Культ писарей у предбайкальских бурят

С. Б. Миягашева

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия*

Аннотация

Изучается специфический культ писарей, входящий в ритуально-обрядовый комплекс предбайкальских бурят и связанный с почитанием административной власти и управленческих структур. В научный оборот водятся архивные материалы из фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Определено, что новые виды социальной организации у бурят, сложившиеся в процессе присоединения Сибири к Российскому государству в XVII–XVIII вв., нашли отражение в религиозно-мифологических представлениях, в частности в сакральной картине о потустороннем мире, в представлениях о загробном суде и верованиях о грозных карателях в лице восточных небожителей. Выявлено, что многие аспекты архаичных шаманистических представлений о душе и ее загробной жизни были гармонично инкорпорированы в воззрения о сложном бюрократическом устройстве подземного мира, основанные на реалиях тогдашней административной системы.

Ключевые слова

Предбайкалье, буряты, архив С. П. Балдаева, шаманизм, степные думы, представления о мире мертвых, Эрлэн хан

Для цитирования

Миягашева С. Б. Культ писарей у предбайкальских бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 167–182. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-167-182

The Cult of the Scribes of the Pre-Baikal Buryats

S. B. Miyagashева

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

Purpose. As a result of joining the Russian Empire, the Buryats formed certain beliefs and cults associated with the administrative service and organically associated with the worldview of Buryat shamanism, which became the basis for the emergence of specific ritual activities. In this case, of particular interest is the cult of mythological scribe-servants of the Lord of the underworld Erlen Khan. This cult had a wide practical application among the Pre-Baikal Buryats until the 20th Century.

Results. It is determined that the new types of social organization among the Buryats, formed in the process of Siberia's accession to the Russian state in the 17th–18th centuries, are reflected in religious and mythological ideas, in particular in the sacred concept of the other world, ideas about the afterlife and beliefs about the terrible punishers in the face of the Eastern gods. It is revealed that many aspects of archaic shamanistic ideas about the soul and its afterlife were harmoniously incorporated into the views of the complex bureaucratic structure of the underworld.

Conclusion. The formation and development of the administrative service in connection with the entry of the Buryats into the Russian state led to the sacralization of the rank, and rank served as the basis for the formation of new religious and mythological aspects in the spiritual culture of the Buryats. Such ideological aspects related to the historical realities of ethnic and cultural development of the Buryats are specific motives in the mythology of the population of the Pre-Baikal region which allows examine the development and formation of traditional beliefs.

Keywords

Pre-Baykal region, Buryats, archives of S. P. Baldaev, shamanism, steppe дума, ideas about the world of the dead, Erlen Khan

For citation

Miyagasheva S. B. The Cult of the Scribes of the Pre-Baikal Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 167–182. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-167-182

Введение

Бурятский шаманизм и его культово-обрядовая практика насыщены образами и ритуальными символами, которые передают мифологические архетипы и традиционные воззрения народа. Тем не менее шаманским обрядам присуща динамика развития в зависимости от трансформации мифологии и фольклора, адаптируемых к особенностям времени. В данном случае интерес представляют воззрения западных бурят на мир мертвых и идею загробного суда как составляющих элементов архаичного сознания; в то же время они весьма противоречивы и разнообразны, что вызвано разновременными и стадийными наслоениями.

В этой связи становится актуальным изучение феномена сакрализации власти в мифологии мира мертвых у предбайкальских бурят, подразумевавшей почитание административных должностей (государственных служащих, чиновников и представителей родовой власти), появление которых связано с историческими событиями XVII–XVIII вв., т. е. времени вхождения Сибири в состав Российской империи. В результате подобных трансформаций социально-нормативные мотивации бурятского права нашли отражение в мифологических воззрениях о потустороннем мире во главе с Эрлэн ханом ¹, где, аналогично системе управления государством, он управляет подземным миром с помощью огромной канцелярии, в которую входят многочисленные министры, писари, агенты, доносчики, гонцы, служащие, управляющие разного рода делами.

О новизне данной темы можно судить по тому, что подобные специфические особенности традиционных представлений западных бурят удавалось зафиксировать крайне редко и отрывочно. Например, в отчетах этнографических экспедиций по Иркутской области Т. М. Михайлова, ученого, посвятившего себя исследованию шаманизма западных бурят, отмечено, что ему удалось лишь вкратце записать некоторые сведения о культе писарей (бур. *бэшээшэд* / *бэшээшэнгууд* ²) и обрядах в их честь, называемых «бэшээшэнгуудтэ / бэшээшэдтэ / бэшээшэдэ». Он писал: «На мой вопрос: буряты раньше не учились, не имели письменности, а как же и почему устраивали молебствия *бэшээшэдтэ*? – старики, с которыми беседовали, ответили, что черный люд действительно не имел грамоты, не учился, но зато у богов и духов имелась якобы грамота... *Задача исследователя – выяснить*» ³.

Тот факт, что сведения о культах, связанных с поклонением представителям подземного мира, известны не многим, отмечал и С. П. Балдаев. Он подчеркивал, что обряды почитания высшей власти в лице Эрлэн хана и его штата помощников – восточных «хатов», долгое время оставались не зафиксированным, и многие его элементы забыты: «Одна область бурятского шаманства почти не разработана, даже нет о нем данных у М. Н. Хангалова» ⁴.

В связи с указанными обстоятельствами целью данного исследования является детальная характеристика ритуально-обрядового комплекса, связанного с сакрализацией государственной власти в лице писарей степных контор и дум. Для ее достижения поставлены задачи

¹ Эрлэн хан (Эрлик-хан, Эрлик номын-хан, Тольто-хан) – глава восточных «хатов», владыка загробного мира, судья мертвых [Михайлов, 1980. С. 168; Галданова, 1987. С. 62].

² Бэшээшэд / бэшээшэнгууд – писари (с бур. языка во мн. ч.).

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 2388. Л. 58–59.

⁴ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Л. 19.

в виде установления семантики их мифического образа, выяснения роли и значения такого культа в поведенческой, коммуникативной и ценностных системах правового общества западных бурят.

База источников

Обширные сведения по шаманизму предбайкальских бурят представлены в трудах бурятских ученых И. А. Манжигеева [1978], М. Н. Хангалова [2004], С. П. Балдаева [2012] и др. Символы и атрибуты обрядового комплекса почитания государственной и административной власти рассматривались в трудах С. Г. Жамбаловой [2000], Д. В. Цыбикдоржиева [2003], Л. С. Дампиловой [2005], С. Б. Болхосоева [2016]. Однако основой содержательной базы для раскрытия темы нашего исследования стали личные архивные фонды Сергея Петровича Балдаева, хранящиеся в Центре восточных рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ). Они содержат большой объем полевых этнографических и фольклорных материалов, отражающих суть религиозных представлений и разнообразие обрядовой практики бурят [Шагланова, 2009. С. 8]. Именно из его записей стали известны тексты шаманских призываний у западных бурят, описания и комментарии к ритуальным обрядам, которые позволяют выявить и изучить целый пласт уникального мифологического пространства и обрядовой традиции, связанных с мотивами почитания власти и государства. В настоящей работе используются и вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные материалы по фольклору и шаманизму предбайкальских бурят, собранные этим исследователем в Иркутской области в 1930–1950 гг.

Мифологические писари

Известно, что у бурят во многих случаях умершие вожди и старейшины даже после смерти внушали живым чувства страха и покорности. Они требовали к себе постоянного внимания и заботы со стороны живых, у них выпрашивали не только здоровья, плодородия и благополучия, но и покровительства в административной сфере, образовании, военной службе, карьерном росте [Болхосоев, 2016. С. 194]. Ритуальный обряд, посвященный им, назывался «Эрлэн ханай бэшээшэнуудтэ» или «бэшээшэдэ» (досл. «обряды в честь писарей Эрлэн хана»); он проводился бурятами вплоть до конца XIX в. по случаю поступления детей в школу, при вступлении на государственную административную или военную службу [Манжигеев, 1978. С. 35, 104]. Культ писарей входил в сферу почитания восточных («холодных», злых) духов «зүүни хат», символические образы которых непосредственно связаны с потусторонним миром, и являлся вариацией культа родоначальников и вождей-предводителей.

В мифоритуальной картине мира бурят восточные духи имеют неоднозначную характеристику – они насылают стихийные бедствия, болезни [Дампилова, 2005. С. 70] и в то же время представляют собой сонм грозных сакральных судей, решающих участь душ, отмеряющих им меру наказания по их деяниям и заслугам, следящих за порядком и надлежащим исполнением должностных обязанностей, за правосудием, за соблюдением слов клятвы и присяги. В этих действиях важную роль играли писари «бэшээшэны» царства Эрлэн хана, которые, по легенде, ведали всеми, так как описали весь мир – все небо со звездами, землю со всеми растениями и животными и всех людей на земле, ведя им строгий учет [Хангалов, 2004. С. 259].

Всеобъемлющая власть Эрлэн (Эрлик) хана ярко отражена в мифологии и у иноэтничных соседей бурят – тюрков Южной Сибири, у которых все живое, обитающее в земле, под землей, в воде, считалось принадлежностью Нижнего мира [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 5]. Эрлик хан считался у них владыкой всех существ, так как именно он наделил душой человека, вдохнув ее в тело [Потапов, 1983. С. 105]; его почитали как отца и патрона [Бурнаков, 2011. С. 108]. Несмотря на то что у бурят Эрлэн хан не был известен в роли дарителя души [Галданова, 1987. С. 62], смысл многих мотивов, связанных с идеями о потусто-

роннем мире, указывают на подобные аспекты. Так, в представлениях предбайкальских бурят он распоряжался душами всех существ – не только умерших, ожидавших судного дня, но и душами живых людей, которые по приказу Эрлэн хана могли быть похищены верными слугами-послами «элшинами» и доставлены в его ведомство, в результате чего человек заболел и скоропостижно умирал [Хангалов, 2004. С. 374].

Для управления многочисленными делами живых и мертвых в подземном мире у Эрлэн хана имелись три основных писаря. У них были четко определены служебные функции и сферы влияния. Главный писарь Шантан Шара бэшээшэ⁵ управлял всеми делами подземного мира, Ухэрши Хара бэшээшэ ведал делами умерших, Сэлгэндэй тургэн бэшээшэ отвечал за ведение дел живых. Наряду с ними в легендах всегда упоминался кучер Хужи бухэ / Хужи бохо хужир занзу, прислуживающий главным писарям и считавшийся чиновником для особых поручений⁶.

В шаманских призываниях обращение к писарям владыки подземного мира производилось по строгой иерархии. Первым обязательно упоминался «писарь правой руки» («баруун гари бэшээшэ»), или «первый писарь Эрлэн хана» («Эрлэн ханай туруулэгшэ бэшээшэ») Шантан шара / Шандаблиин шара бэшээшэ (досл. Желтый / рыжий писарь Шантан). Он разъезжал на лошади желто-чубарой масти⁷. Его супругой была Шарагши хатан.

Шантан Шара бэшээшэ управлял всеми делами подземного мира, а также считался начальником разведки и шпионажа [Манжигеев, 1978. С. 55]. Он представлял собой одну из ключевых фигур в обрядовых ритуалах почитания административной власти, поэтому все должностные лица степных дум, инородных управ и родовые старосты Иркутской губернии при вступлении в должность были обязаны устраивать ему кровавое жертвоприношение в виде барана; использовалась также молочная водка. Для проведения церемониала обязательно приглашался знающий, опытный шаман, который призывал:

Старший писарь конторы Мухарской!⁸
 Повеления большие царя смотря и держа, выполняете,
 Распоряжения большие хозяина, стараясь со всех сил, исполняете,
 Хозяин желто-чубарой лошади, Шантан шара писарь!
 Разъезжающими в разные стороны сорока рассылными ведающий,
 Отъезжающими в четыре стороны четырьмя послами распоряжающийся!
 От хозяина просим спасения, от царя ожидаем милости!
 В местах, где охватывает ужас, будьте душой,
 В местах, где охватывает смущение, будьте лицом!
 Где нужно бороться, будьте опорой,
 Где нужно схватываться, будьте подвязкой!
 В головах прибавьте мысли, на устах дайте соображение!
 Просим в черноголовые тела не напускать болезней,
 Молим не делать вреда широкохвостным овцам!
 Соок!

(пер. с бурятского языка С. П. Балдаева. – С. М.)⁹.

В приведенном отрывке шаманского призывания Шантан шара предстает ставленником царя, следящим за порядком и управляющим государственными делами. Несмотря на то, что он относился к сонму восточных представителей, к нему обращаются с просьбой оказать помощь и поддержать в трудной ситуации, покровительствовать людям и животным.

Интерес представляют рыжая масть коня и эпитет в самом имени первого писаря, так как у тюрков Южной Сибири сам Эрлэн (Эрлик) хан считался покровителем рыжих (красных) лошадей, и ему посвящали *ызыха* этой масти [Катанов, 1893. С. 29]. Вероятно, образ рыжего

⁵ Бэшээшэ – писарь (с бур. языка в ед. ч.)

⁶ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048/1. Л. 11–12.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Мухар – название местности в 1-м Тотском улусе, где была основана Верхоленьская степная контора [Балдаев, 2012. С. 279].

⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 7–8.

писаря отражал архаические мотивы, связанные с образом самого повелителя мира мертвых как родового духа-покровителя, уже в последующем перенявшего символизацию в аспекте представителя «темных», «злых» восточных духов, которые, как известно, требовали кровавых подношений животными черной масти [Манжигеев, 1978. С. 104]. Изначально Эрлэн (Эрлик) хан воспринимался в качестве одного из главных и активных божеств-демиургов, и впоследствии этот образ трансформировался в повелителя злых сил с соответствующими признаками [Бурнаков, 2011. С. 113].

В целом неоднозначным являлся образ многих представителей подземного мира. Например, в следующем варианте записей С. П. Балдаева писарь Шантан олицетворялся в образе одного из «черных всадников» («хара моритон») из пантеона восточных духов, внушающих ужас и страх, вселяющих болезни и напасти:

Черные всадники с серебряными повозками,
Писарь правой руки!
Колодец ваш темная яма ¹⁰.
Несущие болезни,
Бурханы с черной смоляной удачей! Соог! ¹¹

Главной атрибуцией «черных всадников» выступала темнота – по поверьям бурят, они как представители восточных «хатов» разъезжали по свету в черных повозках, запряженных вороными конями, развозили заразные болезни и несчастья [Манжигеев, 1978. С. 55]. В мифологических представлениях предбайкальских бурят «черные всадники» являлись верными слугами Эрлэн хана и олицетворялись в виде грозных духов и божеств. Произносить их имена избегали, так как в случае оглашения они могли мгновенно появиться на этом месте и в случае напрасного нарушения их покоя подвергнуть виновника наказанию [Дампилова, 2005. С. 146].

Результатом внутриареальной вариативности мифов бурят является также версия призывания у эхирит-булагатских бурят, где писарь Шантан Шара предстает супругом дочери Буха ноена Эрхэ Суйбэн / Эрхэ Субэн:

Сын ханский, зять небожителей,
С дочерью Буха ноена Эрхэ Суйбэн
Прислонили две головы, стали супругами.
Десять белых пальцев твоих поистрепались от пера,
Пестрые черные глаза оскудели от бумаги,
Писарь Шантан шара! ¹²

Однако в бурятских легендах относительно персоны зятя Буха ноена существует несколько вариантов: помимо Шантан шара, мужем Эрхэ Суйбэн значился заведующий собраниями простолюдинов Эрю Хара хубуун ¹³, или сын самого Эрлэн хана. У балаганских и аларских бурят существовала легенда, согласно которой к Эрхэ Суйбэн одновременно начали свататься двое – Сом сагаан ноен и Хан Шаргай ноен. Однако Сом сагаан обманом выкрал ее и увез на остров Ольхон, где выдал замуж за сына Эрлэн хана Сэлмэндэя [Манжигеев, 1978. С. 55] / Шилдэбэ хубуна; по версии балаганских бурят, – Мина-Хара [Хангалов, 2004. С. 372]. Рассвирепевший Шаргай ноен, победив Сом сагаана в схватке, жестоко его наказал, вырезав со щек и спины кожу на ремни и на подошву для унтов ¹⁴ [Там же. С. 150–151].

Впоследствии Сом сагаан ноен стал приближенным лицом Эрлэн хана и считался одним из деятельнейших восточных духов «заянов». По поручению Эрлэн хана и восточных тэнгриев он бывал у западных небожителей-хатов и духов воды («уһан-хатов») и в прочих мес-

¹⁰ Ямы «хур тама», колодцы, пещеры, провалы в земле, лисьи норы символизировали иное, нечеловеческое, потустороннее пространство и представлялись в качестве мест, через которые можно было проникнуть в потусторонний мир [Николаева, 2010. С. 280].

¹¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Л. 8–9.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 1048/1. Л. 11.

¹⁴ Подобная мера наказания виновного существовала у бурят в старину [Хангалов, 2004. С. 159].

тах и приносил от них ответы. Будучи представителем западных хатов, за свои частые перебежки от одних «тэнгриев» к другим он стал связующим звеном между враждующими лагерьами западных и восточных небожителей [Хангалов, 2004. С. 373]. За свой авантюрный и непостоянный характер Сом сагаан заслужил прозвище «Бэдэк» от слова «бэхэ» – бегать, его также называют «будэг ноен, гуйдэг ноен», что подчеркивает амбивалентный образ персонажа [Дампилова, 2008. С. 102].

По легенде, Сом сагаан ноен как посол-медиатор разъезжает на телеге, которая без коня летает по воздуху, либо может прилетать в виде белого и черного ворона [Дампилова, 2005. С. 94]. Он ведает особой канцелярией в царстве Эрлэн хана. Предбайкальские буряты считают, что Сом сагаан разбирает тяжбы живых людей, поэтому перед судебным слушанием ему приносят жертвы [Хангалов, 2004. С. 373–374]. Вероятно, Сом сагаан, имеющий образ ловкого и увертливого трикстера, умеющего договариваться и убеждать¹⁵, находить компромисс между западными и восточными небожителями, готов ко всему, чтобы настоять на своей правоте, даже если цена тому – нарушение закона и небесных правил [Дампилова, 2005. С. 131]; он мог оказать сакральную помощь подсудимому, возможно, наделив его красноречием и твердостью слов оправдания. Подобный образ близок к персонажу летучей мыши, которая, как повествует хакасский миф, успешно доказала свою правоту верховному божеству Кудая. Поэтому, отправляясь на суд, хакасы зашивали ее под воротник [Бутанаев, 2004].

В целом выявленное смешение образов супруга Эрхэ Суйбэн / Субэн характерно для фольклорно-мифологической и культовой традиции бурят. Прослеживается статусный характер героев, так или иначе связанный с персонажами сакрального правосудия и с восточными небожителями.

Вторым писарем «ехэ бэшээшэ» Эрлэн хана считался Ухэр / Ухэрши хара (досл. «черный бык»), являвшийся хранителем врат в подземный мир «ухэли уудэн» [Манжигеев, 1978. С. 82]. Слова из шаманского призывания в его отношении звучат следующим образом:

Стоящий у дверей смерти Ухэр хара бэшээшэ!
Море Мөр, ледяная дорога,
Животом уподобились быку, глазами лисице!
Дела хороших людей подправляли, указывали,
Дела плохих людей убрали подальше!
Десять ваших пальцев высохли от пера,
Пестрые красивые глаза потускнели от бумаги!
Колодец яма преисподняя ваша,
Книги ваши, как ад, уносят здоровье,
Насылающие болезни, черные как смоль!¹⁶

В мифологии бурят через ворота смерти «ухэли уудэн» проходят души всех смертных после суда над ними, и с этого момента они больше не имеют права и возможности вернуться к земному бытию [Манжигеев, 1978. С. 82].

Образ хранителя дверей смерти Ухэр хара является весьма вариативным и может быть связан с Буха ноеном, который, по легендам балаганских бурят, прежде являлся чиновником, приближенным к Эрлэн хану, – писарем по имени Эльбитэ хара ноен¹⁷ (букв. «Владеющий магической / колдовской силой Черный господин») [Хангалов, 2004. С. 347]. У нукутских бурят он был известен как Ухэр хара тэнгри [Павлов, 2007. С. 12]. В шаманских текстах, записанных С. П. Балдаевым, Эльбитэ хара ноен именуется как Эрбэт хара бэшээшэ¹⁸.

¹⁵ Например, в случае, когда Сом сагаан сладкими речами смог уговорить дочь Буха ноена выйти замуж за сына Эрлэн хана.

¹⁶ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Л. 5.

¹⁷ У балаганских бурят существует предание о Молонтойне, который жил до глубокой старости и не умирал; Эрлэн хан отправил к нему Эльбитэ хара ноена, принявшего облик темно-синего «пороза» и превратившегося в последующем в Буха ноена, перешедшего в пантеон западных хатов [Хангалов, 2004. С. 347–351].

¹⁸ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Л. 9.

Он вел судебно-следственные дела доставленных в присутственное место посланцами «эл-шинами» людских душ, подлежащих суду и наказанию [Манжигеев, 1978. С. 104; Хангалов, 2004. С. 373].

Как следствие вариативности мифов, образ среднего писаря Ухэр хара можно связать с Ажирай бухэ, который в легендах имел голову быка [Нацов, 1995. С. 80]. Эхириты называют Ажирая *ухэри хубуун* – сыном быка, что может быть связано с древним автохтонным центрально-азиатским культом этого животного [Цыбикдоржиев, 2003. С. 184]. В данном случае нельзя не отметить мотив двери / ворот из булагатских сказаний о Ажирай бухэ, по приказу Эрлэн хана открывшему ударом ноги Дверь смерти, запертую ранее богами для того, чтобы люди реже умирали и были долговечны [Хангалов, 2004. С. 259].

В шаманских обрядовых текстах прослеживается соединение реальных и фантастических событий, так как в исторических преданиях Ажирай бухэ являлся полководцем и вместе со своим сподвижником Харамцай-мэргэном был убит врагами. После смерти буряты возвели их обоих в ранг хатов – хозяев местности; на местах, где, по преданию, были убиты герои, приносили очистительные клятвы и присягу вплоть до XIX в.¹⁹ Вероятно, павший насильственной смертью Ажирай был включен в пантеон восточных духов и, наряду с образом хозяина р. Лены, главы черных всадников, хранителя местности, стал олицетворяться в качестве судьи и стража ворот в мир мертвых. По мнению ряда исследователей, отсылкой к его сакральному образу мог стать монгольский культ воителя Хара Ажирай, который являлся грозным и жестоким божеством, судьей мертвых, метко и беспощадно хватающим души провинившихся людей [Окладников, 1976. С. 162; Цыбикдоржиев, 2003. С. 182–183; Дампилова, 2005. С. 151].

В текстах шаманских призываний предбайкальских бурят к образу среднего писаря относится еще один персонаж – Эрхэ мэргэн хубун. Его упоминание встречается во время проведения обряда главным шуленгам Верхоленской степной конторы Хойлонго Бойрдоеву и Барлаку Турунхаеву, где он упоминается как второй писарь после Шантан шара бэшээшэ. Слова обращения к нему полностью соответствуют приведенному выше обращению в честь Ухэр хара, за исключением зачина:

Сопка Хайрам – вечное упокоение,
Высокая скалистая гора – брызгание,
Эрхэн мэргэн хубун!
Гулхуудай зарин отец, Галхуудай шаманка мать!
Эрхэ мэргэн хубун!
(пер. с бурятского языка С. П. Балдаева. – С. М.)²⁰.

Как видно из отрывка, Эрхэ мэргэн хубун упоминается как потомственный шаман, что демонстрирует традицию включения родовых шаманов, именно черных, в пантеон восточных духов-заянов, в данном случае в канцелярию чиновников и министров Эрлэн хана; это является ярким примером культа шаманских предков.

Считалось, что шаманы мужского пола, востребованные небожителями, после смерти шли служить западным или восточным хатам, и в знак маркировки нового статуса у них на груди и спине вырезается печать. Мотив получения печати, как отмечала Л. С. Дампилова, связан с символом власти, как подтверждение наделения властью от небожителей. В данном случае прослеживается идентичная начальству функция, когда царская власть награждала высокопоставленных и отличившихся начальников кортиками и печатями [Дампилова, 2005. С. 95].

В целом многовалентный образ Ухэр хара бэшээшэ / Эльбитэ хара ноена / Эрбэт хара бэшээшэ / Эрхэ мэргэн хубуна отражал разностадиальные этапы культа писарей, проводивших

¹⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048/2. Л. 33.

²⁰ Там же. Д. 1211. Л. 8–9.

суды над душами умерших и отправлявших их за врата мира мертвых, так как содержит мифологические и исторические элементы.

Если прерогативой дел первых двух писарей – Шантан шара и Ухэр хара, являлись дела, связанные с определением участи душ умерших, то в обязанности младшего чиновника шта-та Эрлэн хана – Сэлгэндэй тургэн бэшээшэ (у балаганских бурят Сахит хан), входило ведение дел, касающихся живых людей и существ.

Сэлгэндэй тургэн бэшээшэ являлся третьим, младшим писарем «бага хара бэшээшэ». Согласно мифологическим воззрениям, его функцией было следить за людьми и докладывать об их поступках самому Эрлэн хану²¹. В частности, он следил за деятельностью шаманов, чиновников, административных служащих, которые при вступлении в должность или звание произносили текст клятвы. Считалось, что за лжеприсягу, плохую службу или ненадлежащее соблюдение клятвы человека могла постигнуть кара восточных духов. Младший писарь проводил общественные слушания, на которых духи судили живых людей, провинившихся родоначальников и шаманов.

Считалось, что слуги Эрлэн хана – «элшэны», крали души живых людей и помещали их в темницы, где они томились, пока восточные духи судили их в присутственных местах²². Если вина доказывалась и душа обвинялась в каких-либо провинностях, то ее помещали в 88 подземных темниц, где человек и умирал. Подобное случалось стремительно – потерявший душу человек мгновенно заболел, и взятой в плен слугами Эрлэн хана душе мог помочь только хороший шаман, который проводил обряды жертвоприношений и умилоствления. Чтобы освободить душу из темниц, шаман отправлялся в мир мертвых и, разузнав, за что и как была украдена душа, мог освободить ее и возвратить в тело, в результате чего больной выздоравливал [Хангалов, 2004. С. 374]. Однако считалось, что Эрлэн хан может соизволить освободить похищенную душу не более чем на девять лет [Галданова, 1987. С. 62].

Интерес представляет легенда, в которой шаман спас украденную душу, заточенную в цепи, из темницы самого Эрлэн хана ценой собственной жизни, получив согласие у владыки оставить свою душу вместо души больного. По возвращении домой шаман послал помощников к спасенному пациенту за обещанной платой, но получил отказ, и вскоре умер. По жалобе души обманутого шамана, душа его пациента вновь была схвачена и заключена в цепи, что привело к его скорой кончине [Хангалов, 2004. С. 326]. Таким образом, наказание по заслугам было неминуемым, считалось, что даже если виновного оправдывали в мире живых, то в последующем его ожидала кара уже в мире мертвых [Там же. С. 160].

В целом следует отметить, что верой в силу сакрального правосудия, вершимого восточными небожителями и чиновниками Эрлэн хана, регулировались и мотивировались морально-этические нормы общества.

Структура мифологических судебно-следственных учреждений

В мифологии предбайкальских бурят представления о сакральном правосудии и разного рода судебно-следственных учреждениях в потустороннем мире, связанных с посмертным судом, являлись результатом отражения режимов управленческого аппарата. Так, в структуре подземного мира помимо девяти присутственных мест функционировало множество ведомств, секций, темниц и мест наказания, в которых души умерших отбывали свою участь. Приведем их краткий перечень и описание:

²¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Л. 10.

²² Подобных сеймов, или собраний, где решалась судьба человеческой души, насчитывалось девять, и они назывались «еһон хурмэ». Собрание, на котором заседал сам Эрлэн хан, называлось «Эрлэн хани сулган» [Хангалов, 2004. С. 372]. В верованиях алтайцев и хакасов пространство Нижнего мира также делилось на 9 ярусов сфер и словес [Радлов, 1989. С. 361].

• 88 темниц, в которых томились человеческие души, обреченные на смерть; в них применялись адские приемы дознания и испытания человеческих душ [Манжигеев, 1978. С. 104]; темницами ведал «заян» по имени Хурмэн эжин или Хо Хара ноен, которому прислуживало множество писарей и чиновников [Хангалов, 2004. С. 374];

• большая темница «Хаалган», которой заведовал «Халган эжин» (досл. «хозяин Врат») по имени Хара эрэн хан; считалось, что в нее попадают только большие и черные шаманы и родоначальники, из этой темницы очень трудно освободить душу – можно лишь по ходатайству покойных предков шамана, если они имели доступ к этому «заяну» [Хангалов, 2004. С. 374];

• «Эрлэн тама» (ад Эрлэна хана) – большая тюрьма, находившаяся под контролем самого владыки подземного мира; в ней насчитывалось 99 темниц, которыми полноправно правил «заян» по имени Эрю хара ноен [Балдаев, 2012. С. 80]; считалось, что из этой темницы невозможно освободить душу человека, так как она не доступна шаманам, – в ней Эрлэн хани проводила «сулган», которым заведовал сам хозяин [Хангалов, 2004. С. 373–374]; в «Эрлэн тама» попадали души грешников (в том числе отступников от клятвы и присяги, умерших неестественной смертью), а также шаманов и служащих лиц, т. е. чиновников, старост, старейшин, тайшей [Галданова, 1987. С. 61].

Учитывая большое количество различных административных учреждений, помимо трех основных писарей Эрлэн хана, ведающих делами живых и мертвых, существовали и другие чиновники «бэшээшэд», исправно трудившиеся во благо сакрального правосудия. Так, у одного из деятельнейших слуг Эрлэн хана – Сом сагаан ноена, о котором упоминалось выше, имелась своя особая канцелярия, делами которой заведовал писарь Хан Шидрэ зарин – в его помощниках служил Убсу Саган бэшээшэ, часто прибывавший с докладами к Эрлэн хану по делам службы. Самыми приближенными к Сом саган ноену считались Уха Тоголдор Холдугев, при жизни бывший большим черным шаманом, и Хан хормо ноен. Все они вместе с Сом саган ноеном заседали в разных присутственных местах по поручению Эрлэн хана [Хангалов, 2004. С. 373].

В шаманских призываниях часто встречались сюжеты с персонажами, которые при жизни являлись потомственными черными шаманами «заринами». В связи с этим можно заключить, что некоторые деятели мифического царства Эрлэн хана являлись реальными историческими лицами. Кроме Эрхэ мэргэн хубуна, о котором упоминалось ранее, прислужников Сом сагаана Уха Тоголдор Холдугева и Хан хормо ноена, в пантеон восточных «заянов» входили Ухэр хара Тундутов / Тундупов и Ходой бэшээшэ. Они оба являлись историческими личностями – писарями Верхоленской степной конторы. В их честь проводились жертвоприношения во время проведения ритуального обряда, посвященного первым шуленгам Хойлонго Бойрдоеву и Барлаку Турунхаеву²³.

По историческому преданию, Ухэр хара Тундутов происходил из улуса Босогол Хэнгэлдурова рода. В юности он был взят в качестве заложника в Верхоленский острог. От природы Тундупов был одаренным человеком и, проживая в остроге, научился хорошо говорить по-русски. Некоторое время он пребывал в Москве, где выучился грамоте. По возвращении на родину служил в Иркутском остроге, затем в Верхоленском. Когда открылись степные конторы, его назначили писарем²⁴. Вероятно, его образ был ассоциирован с хранителем Дверей смерти, о чем свидетельствует эпитет Ухэр хара («черный бык») в его имени. Шаманские призывания в честь этого административного деятеля звучат следующим образом:

Отец ваш Тундуп, мать ваша Тумжоо,
Высокая гора Орголи – вечное упокоение,
Широкая Лена – прохлада,
Черный кедр – жертвенное дерево,
Мех лисицы подарок!

²³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 11–16.

²⁴ Там же. Л. 11.

При письме, делая завитушки, стали писарем конторы,
Делая много завитушек, стали писарем острога,
Двадцать пальцев ваших оскудели от письма,
Острые пестрые глаза потускнели от бумаги!
(пер. с бурятского языка С. П. Балдаева. – С. М.)²⁵.

Реальным историческим лицом являлся и Ходой бэшээшэ, сын Холона, который служил писарем Верхоленской степной конторы при главном шуленге Барлаке Турунхаеве. Ходой бэшээшэ являлся его родственником по женской линии и происходил из эхиритского Олзона рода. Как отмечал С. П. Балдаев, его культ существовал только у эхиритов²⁶.

Из приведенных образцов шаманского камлания можно видеть, что не только выдающиеся шаманы и родоначальники могли быть включены в пантеон восточных духов после своей смерти, но и даровитые и способные люди удостаивались подобной чести.

В религиозно-мифологических воззрениях бурят считалось, что Эрлэн хан нуждался в способных и одаренных людях, и к нему попадали избранные, такие как души хороших ремесленников, грамотных людей или хорошо шьющих женщин, которые после смерти продолжали заниматься своим делом. В народе полагали, что умные и талантливые люди, хорошие мастера и грамотеи, недолговечны, потому что в них нуждаются в подземном мире Эрлэн хана, чьи посланцы похищают души таких людей [Хангалов, 2004. С. 326].

В мифологических представлениях души избранных Эрлэн ханом попадали в «Улэнши», или «Улин», который, по интерпретации западных бурят, представлял собой не то подземный, не то загробный мир, где обитали бессмертные души умерших людей [Манжигеев, 1978. С. 80]. «Улэнши» демонстрировало идею особой загробной жизни одаренных людей и олицетворялось в качестве чертога, куда после смерти отправлялись талантливые полководцы, отважные воины, искусные мастерицы, а также писари и кузнецы [Цыбикдоржиев, 2003. С. 195]. Возможно, подобное Улэнши место обитания избранных душ являлось еще одним из множества ведомств и присутственных мест мира мертвых.

Исторические образы писарей степных контор

В связи с рассмотрением мифологических сюжетов, относящихся к культам сакральных «бэшээшэнов», необходимо обратиться к характеристике образа исторических писарей. Следует отметить, что они имели большой авторитет при степных конторах и думах, к ним относились с уважением. Это было связано с тем, что изначально, в процессе контактов с царской администрацией, родоначальники были вынуждены вести отчетность по ясаку. Если ранее все проблемы решались устно, то впоследствии объем делопроизводства возрос, и усложнилась отчетность. Учитывая это, с середины XVIII в. степные конторы начинали нанимать писарей, или, как их еще называли, письмоводителей. Из-за того что в делопроизводстве изначально использовался русский язык, к этой работе за неимением грамотных коренных жителей привлекали русских людей, которые вели все делопроизводство, выступая также в роли консультантов. Нанимаясь на службу, они подписывали договор, где четко оговаривались должностные обязанности, а также причитающееся жалование [Мунханов, 2010. С. 97]. Их деятельность ценилась достаточно высоко, что можно наблюдать по размеру годового жалования: например, Верхоленская степная контора в 1819 г. выплатила жалование писарю в 875 рублей, а его помощнику – 525 рублей, что в два раза больше чем выплата, например, сторожам при конторе, которые получили по 250 рублей [Шагдурова, 2011. С. 22].

Роль писарей зачастую была значительно выше, чем предусматривало законодательство, в связи с чем они становились главными коррупционерами при решении различных родовых дел; злоупотребляя своим положением, сами устанавливали и собирали с общества налог.

²⁵ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 11–13.

²⁶ Там же. Л. 13–14.

У предбайкальских бурят изначально при родовом управлении писарями были ссыльные поселенцы, нередко пьяницы. Как отмечает С. П. Балдаев, некоторые письмоводители, приехав бедными, уезжали богатыми людьми [2012. С. 124].

Постепенно для ведения делопроизводства стали привлекать местное население. В бурятских ведомствах появились буряты, владевшие в должной степени русской грамотой [Мунханов, 2010. С. 98]. Зачастую это были аманаты, которых отправляли на обучение грамоте в Москву и по их возвращении определяли на службу в остроги. Так, персонажи, упоминаемые в текстах шаманских призываний в честь верхоленских шуленг Ухэр хара Тундутова и Ходой, являлись именно аманатами. У предбайкальских бурят сохранились исторические предания о неких Хуржуме Бурлаеве и Шодоре Хурэнове, которые были взяты заложниками и жили в остроге; затем их увезли в Москву. По возвращении один служил в Иркутском остроге, другой – в Верхоленском. Предания о Хуржуме и Шодоре схожи в своих сюжетах: у обоих имелись золотая печать, кортик или указ, полученные в знак служебного чина, которые перед смертью они забросили в озеро. Эти водоемы получили название в память о них: озеро Хуржума находится недалеко от Якутского тракта и называется Хуржуумэйн нуур, а озеро Шодора – в местности Хурбин, недалеко от деревни Бэллхэн [Балдаев, 2012. С. 216, 218].

Освоение грамоты и умение писать расценивались бурятами как некий дар, наравне со способностями шаманов и кузнецов. Например, владение грамотой было сравнимо с шаманским действием, о чем свидетельствуют следующие строки:

Мастер письма – красавец Ходой!
Первый ученый из бурят, книгу, величиной с дверь
Перелистывал, читал, гладил,
Как шаман приходил в экстаз! ²⁷

Писарь при степных конторах имел большой авторитет, так как занимался присяжными делами. От его воли зависело многое, даже судьба и участь человека. Вероятно, полномочия писарей рассматривать судебные дела и оглашать приговор, их право наказывать розгами, заключать под арест, взыскивать денежные штрафы придавали статус сакральности этим должностям. Например, в призывании Ухэр хара Тундутова встречаем:

Тысячи дел людских поступали к вам,
Вы разбирали их по существу:
Дела хороших людей брали себе,
Дела плохих людей направляли в преисподнюю «тама»! ²⁸

Для простых людей писари представлялись хранителями и защитниками рода, к ним обращались со словами:

Злоумышленников гоните подальше,
Желающих добра направляйте на нас,
Когда заходите к нам, не сердитесь,
Когда уходите от нас, не делайте зло!
Устраиваем вам годовое жертвоприношение,
Поднимаем вам месячное угощение! Соог! ²⁹

Для того чтобы писари Эрлэн хана помогали и не препятствовали в делах, необходимо было совершать им кровавые жертвоприношения. Обычно они проводились в безлунную ночь черными шаманами с соблюдением традиции ритуальных обрядов в честь восточных небожителей. Так, согласно материалам И. А. Манжигеева, обряд писарям проводился в темную ночь приношением барана черной масти при обязательном наличии заводской водки

²⁷ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 15.

²⁸ Там же. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 10.

[1978. С. 104]. В этнографических записях С. П. Балдаева отмечалось, что для ритуала могли использовать молочную водку, причем каждый котел посвящался писарю поименно³⁰.

Обряд в честь писарей Эрлэн хана был также вкратце описан М. Н. Хангаловым, который отмечал, что в жертву приносили черного барана, рядом с его шкурой, повешенной на березе, вешали шкуру зайца, затем брызгали «тарасуном», кололи корову и черного коня. Часть мяса откладывали, чтобы съесть после, а остальное съедали. Кости жертвенных животных не сжигались, а выбрасывались собакам, шкуры также снимали и бросали [Хангалов, 2004. С. 259].

Интерес представляет ритуал кровавого жертвоприношения «харбаха», посвященного трем писарям Эрлэн номон хана [Хангалов, 2004. С. 294], который, к сожалению, не описан подробнее. «Харбаха» означает «стрелять из лука, пускать стрелу» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 554]. Известно, что в культуре монгольских народов стрела обозначала жизнь и смерть и считалась душой человека «сульдэ». В судебном процессе у западных бурят практиковался ритуал ломания стрелы над головой преступника, который заменял смертную казнь, но означал, что виновный признается нравственно убитым [Хангалов, 2004. С. 159]. В связи с этим, на наш взгляд, обряд метания стрел в честь писарей Эрлэн хана мог проводиться во время приношения клятвы или присяги при вступлении на административную должность. Он означал, что пущенные стрелы служили свидетельством вверения действующим лицом своих души и жизни в руки представителей восточных небожителей.

Заключение

Представления о сложном бюрократическом устройстве загробного мира у бурят базировались на ассоциациях с новыми для них социальными институтами власти, системой развитой государственности, опиравшейся на родоплеменную структуру местного управления, сохранившуюся в процессе присоединения Сибири к Российской империи, в том числе и Предбайкалья. В связи с этим новые виды социальной организации были включены в специфический ритуально-обрядовый комплекс. Подобные мировоззренческие аспекты, связанные с историческими реалиями этнокультурного развития бурят, позволяют говорить о развитии и разностадиальном становлении традиционных верований населения Предбайкалья.

Но не исключено, что образ писарей из шаманских призываний имеет более глубокие истоки и может быть связан с собственной письменностью предков монголов и тюрков [Дампилова, 2005. С. 134]. На наш взгляд, семантика образов писарей, их имен и обязанностей связана с архаическими представлениями тюрко-монгольских народов о самом владыке мира мертвых – Эрлэн хане, а также мифическом быке – страже мира мертвых. «Бэшээшэд» имеют собирательные характеристики грозных духов из ранних верований и обладают способностями определять и ставить последнюю точку в земном бытии умершего. Базой для развития подобных семантических представлений явились также шаманистские представления о духах-предках, способных регулировать деятельность ноёнов и чиновников, наказывать за проступки и лжеклятвы людей, оказывать влияние на жизнь и благополучие потомков, в частности в делах служебных и военных, а также связанных с грамотой и письмом. В связи с этим «бэшээшэд» в мифологии играли важную роль при выборе кандидатов на административные и государственные должности, а культ их почитания входил в сферу ритуально-обрядового комплекса, связанного с сакрализацией власти у западных бурят.

Список литературы

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 710 с.

³⁰ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 5, 8, 11.

- Болхосоев С. Б.** Избранничество: феномен шаманской наследственности удха у предбайкальских бурят. Улан-Удэ: Изд-во ВСГИК, 2016. 247 с.
- Бурнаков В. А.** Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.
- Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.
- Бутанаев В. Я.** Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2004. 278 с.
- Галданова Г. Р.** Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука. 1987. 154 с.
- Дампилова Л. С.** Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 248 с.
- Дампилова Л. С.** Феномен сказителя-шамана в тюрко-монгольской фольклористике // ICANAS-38. (Международный конгресс по изучению Азии и Северной Африки). Анкара: [б. и.], 2008. Т. 1: Религия. С. 87–107.
- Жамбалова С. Г.** Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 395 с.
- Катанов Н. Ф.** Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1893. 113 с.
- Манжигеев И. А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.
- Михайлов Т. М.** Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Мунханов В. А.** Документы бурятских степных дум как источник по изучению административной политики Российской империи в Сибири в XIX в. // Вестник Том. гос. ун-та. Серия: Государство и право. Юридические науки. 2010. № 338. С. 97–100.
- Нацов Г.-Д.** Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 155 с.
- Николаева Н. Н.** Лиса в эпическом фольклоре бурят // Вестник БГУ. Серия: Филология. 2010. № 10. С. 277–283.
- Окладников А. П.** История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 460 с.
- Павлов Е. В.** Культ «хозяина» истока Ангары Ама Сагаан нойона: к проблемам ареальной вариативности, семантики и генезиса // В мире традиционной культуры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. Вып. 2. С. 4–35.
- Потапов Л. П.** Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1983. С. 96–110.
- Радлов В. В.** Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч.: В 3 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2004. Т. 1. 508 с.
- Цыбикдоржиев Д. В.** Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 292 с.
- Шагдурова И. Н.** Степные конторы – органы самоуправления бурят в период Российской империи // Вестник БГУ. Серия: История, историография и источниковедение. 2011. № 7. С. 20–24.
- Шагланова О. А.** Аннотированный каталог архивных материалов по бурятскому шаманизму Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии. Осака: Национальный музей этнологии, 2009. 333 с.

Список источников

- ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048/1. Материалы по шаманству (рабочие тетради). Шаманство у бурят. Рабочая тетрадь С. П. Балдаева. 1948. 221 л.; Д. 1048/2. Материалы по шаманству (рабочие тетради). Онгоны бурят Агинского национального округа Чи-

тинской области. 1945. 49 л.; Д. 1064. Материалы по шаманству качугских бурят. 1935. 52 л.; Д. 1211. Жертвоприношение первому главному шуленге Верхоленской Степной конторы Х. Бойрдоеву. 20 л.; Д. 1250. «Бэшээшэнгууд» в данном случае поставила пояснение ссылкой на с. 3— писари Эрлэн номын хана. 20 л.

ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 2388. Материалы этнографической экспедиции Т. М. Михайлова в Боханский район Иркутской области (села Хоргиллок, Буреть, Маньково, Харатирген). 1963. 65 л.

References

- Baldaev S. P.** Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Genealogies and legends of the Buryats]. Ulan-Ude, BSU Publ., 2012, 710 p. (in Russ.)
- Bolkhosoev S. B.** Izbrannichestvo: fenomen shamanskoi nasledstvennosti udkha u predbaikalskikh buryat [Election: the phenomenon of shamanic continuity of the pre-Baikal Buryats]. Ulan-Ude, ESSIC Publ., 2016, 247 p. (in Russ.)
- Burnakov V. A.** Erlik-khan v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [Erlik Khan in the traditional worldview of the Khakass]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia], 2011, no. 1 (45). p. 107–114. (in Russ.)
- Buryatsko-russkii slovar** [Buryat-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973, 804 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Stepnye zakony Khongoraya [The steppe laws of the Khongorai]. Abakan, KhSU Publ., 2004, 278 p. (in Russ.)
- Dampilova L. S.** Fenomen skazitelya-shamana v tyurko-mongolskoi folkloristike [The phenomenon of the shaman-storyteller in Turkic-Mongolian folklore]. In: IKANAS-38 (Mezhdunarodnyi kongress po izucheniyu Azii i Severnoi Afriki) [ICANAS-38 (International Congress of Asian and North African Studies)]. Ankara, 2008, vol. 1, p. 87–107. (in Russ.)
- Dampilova L. S.** Shamanskies pesnopeniya buryat: simbolika i poetika [Shamanic chants of the Buryats: symbolism and poetics]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2005, 248 p. (in Russ.)
- Galdanova G. R.** Dolamaistskie verovaniya buryat [Pre-lamaic beliefs of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 154 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Pis'ma N. F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [The letters of N. F. Katanov from Siberia and East Turkestan]. St. Petersburg, Typography Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, 113 p. (in Russ.)
- Khangelov M. N.** Sobranie sochinenii [Collected works]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2004, vol. 1, 508 p. (in Russ.)
- Manzhigeev I. A.** Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy. Opyt ateisticheskoi interpretatsii [Buryat shamans and pre-shaman terms. Experience of atheistic interpretation]. Moscow, Nauka, 1978, 127 p. (in Russ.)
- Mikhailov T. M.** Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen po XVIII v.) [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th Century)]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 320 p. (in Russ.)
- Munkhanov V. A.** Dokumenty buryatskikh stepnykh dum kak istochnik po izucheniyu administrativnoi politiki Rossiiskoi imperii v Sibiri v XIX v. [Documents of the Buryat steppe Dumas as a source for the study of administrative policy of the Russian Empire in Siberia in the 19th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gosudarstvo i pravo. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Tomsk State University. Series: State and Law. Legal Science], 2010, no. 338, p. 97–100. (in Russ.)
- Natsov G.-D.** Materialy po istorii i kul'ture buryat [Materials on the history and culture of Buryats]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, part 1, 155 p. (in Russ.)

- Nikolaeva N. N.** Lisa v epicheskom fol'klore buryat [Fox in the epic folklore of the Buryats]. *Vestnik BGU. Seriya: Filologiya* [Bulletin of BSU. Series: Philology]. 2010, no. 10, p. 277–283. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Istoriya i kul'tura Buryatii [History and culture of Buryatia]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1976, 460 p. (in Russ.)
- Pavlov E. V.** Kul't "khozyaina" istoka Angary Ama Sagaan noiona: k problemam areal'noi variativnosti, semantiki i genezisa [Cult of the "landlord" of the Angara source Ama Sagaan Noyon: problems of areal variability, semantics and genesis]. In: V mire traditsionnoi kul'tury buryat [In the world of traditional culture of the Buryats]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2007, vol. 2, p. 4–35. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Mify altae-sayanskikh narodov kak istoricheskii istochnik [Myths of the Altai-Sayan peoples as a historical source]. In: Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya [Questions of archaeology and ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, GANIYaLI Publ., 1983, p. 96–110. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika [From Siberia: the diary pages]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)
- Shagdurova I. N.** Stepnye kontory – organy samoupravleniya buryat v period Rossiiskoi imperii [The steppe offices as a state body of the self-governed Buryats during the Russian Empire]. *Vestnik BGU. Seriya: Istoriya, istoriografiya i istochnikovedenie* [Bulletin of BSU. Series: History, historiography and source studies], 2011, no. 7, p. 20–24. (in Russ.)
- Shaglanova O. A.** Annotirovannyi katalog arkhivnykh materialov po buryatskomu shamanizmu Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii [Annotated catalogue of archival materials on Buryat shamanism of the Center of Oriental manuscripts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies]. Osaka, National Museum of Ethnology Publ., 2009, 333 p. (in Russ.)
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri [Traditional world worldview of the Turks of South Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 225 p. (in Russ.)
- Tsybikdorzhiev D. V.** Proiskhozhdenie drevnemongol'skikh voinskiikh kul'tov (po fol'klorno-etnograficheskim materialam buryat) [Origin of ancient Mongolian military cults (according to folklore and ethnographic materials of the Buryats)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2003, 292 p. (in Russ.)
- Zhambalova S. G.** Profannyi i sakralnyi miry olkhonskikh buryat (XIX–XX vv.) [Profane and sacred worlds of the Olkhon Buryats (19th – 20th centuries)]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 395 p. (in Russ.)

Source List

- Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. F. 36. Op. 1. D. 1048/1. Materialy po shamanstvu (rabochie tetradi). Shamanstvo u buryat. Rabochaya tetrad' S. P. Baldaeva [Materials of shamanism (workbooks). Shamanism among the Buryats. Workbook of S. P. Baldaev], 1948, 221 p.; D. 1048/2. Materialy po shamanstvu (rabochie tetradi). Ongony buryat Aginskogo natsional'nogo okruga Chitinskoi oblasti [Materials on shamanism (workbooks). Ongony Aga-Buryats national district of Chita region], 1945, 49 p.; D. 1064. Materialy po shamanstvu kachugskikh buryat [Materials of shamanism of the Kachug Buryats], 1935, 52 p.; D. 1211. Zhertvoprinoshenie pervomu glavnomu shulenge Verkholenskoi Stepnoi kontory Kh. Boirdoevu [The sacrifice of the first main chulenge of the Verkholensky Steppe office H. Boirdoev], 20 p.; D. 1250. "Besheeshenguud" – pisari Erlen nomyn khana ["Besheeshenguud" – the Erlen nomyn khans clerks], 20 p.
- Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. No. 2388. Materialy etnograficheskoi ekspeditsii T. M. Mikhailova

v Bokhanskii raion Irkutskoi oblasti (sela Khorgilok, Buret', Man'kovo, Kharatirgen) [The materials of the ethnographic expedition of T. M. Mikhailov in Bokhanskij district of the Irkutsk region (the village of Horgilok, Buret, Man'kovo, Haratirgen)], 1963, 65 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

20.01.2019

Сведения об авторе

Миягашева Суржана Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия)
surjana.miyagasheva@imbt.ru
ORCID 0000-0002-3646-0370

Information about the Author

Surjana B. Miyagasheva, PhD in History, Researcher at the Center of Oriental Manuscripts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (6 Sahyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation)
surjana.miyagasheva@imbt.ru
ORCID 0000-0002-3646-0370